

23. Джалган : [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Джалган>
24. Салтово-маяцкая культура : [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Салтово-маяцк>.

Чернобай С.Е.

УДК 81'373.72

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Постановка проблемы. Взаимодействие языка и культуры на протяжении долгого времени притягивает внимание лингвистов. Еще в XIX веке В. фон Гумбольдт писал, что язык «есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, 68]. Ренессанс «вечной» междисциплинарной проблемы взаимоотношения языка и культуры привел в последней трети XX века к возникновению новых научных парадигм во фразеологии – «науке о наиболее культурно маркированных образных единицах любого языка» [2, 5]. Возникают лингвокультурологическая, коммуникативно-прагматическая и когнитивная фразеология.

Объектом фразеологической лингвокультурологии является та часть внеязыкового мира, «предметы» которой оказываются духовно значимыми (для того или иного этноязыкового коллектива) ценностями, вербализованными посредством фразеологических единиц. Особой лингвокогнитивной значимостью такие знаки образной номинации обладают потому, что они являются средством и продуктом метафорического речемышления.

Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, все возникающие фразеологические дисциплины ориентированы на когнитивно-дискурсивный подход к исследованию фразеологического состава языка. Методологической базой когнитивно-дискурсивной фразеологии служит синергетический подход к пониманию и описанию знаков косвенно-производной номинации как основного средства объективации объектов лингвокультуры, лингвопрагматики и лингвокогнитивистики. Именно фраземы, будучи наиболее типичными знаками экспрессивно-образной номинации и продуктами вторичного семиозиса, характеризуются синергетическим взаимодействием языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурных факторов. Возникающие фразеологические парадигмы могут служить стимулом развития когнитивной семантики, теории дискурса, лингвокультурологии и теории речевых актов. Этим и объясняется синергетически емкое название формирующейся мегапарадигмы – когнитивно-дискурсивной лингвистики и суперпарадигмы – когнитивно-дискурсивной фразеологии, в рамках которой развиваются субпарадигмы: когнитивная, лингвокультурологическая и прагматическая [2, 6].

Актуальность. Исследование взаимосвязи языка и культуры и роли человека в них отражено в работах Г. Гачева [3], А. Вежбицкой [4; 5], В. М. Богуславского [6], В. Н. Телии [7; 8], Г. В. Елизаровой [9], О. А. Корнилова [10]. Отдельно следует отметить коллективный труд «Phraseology and Culture in English» под редакцией П. Скандеры [11], который отражает последние лингвокультурологические достижения зарубежных исследователей в области английской фразеологии и семантики. **Цель** исследования – рассмотреть основные аспекты изучения фразеологизмов в рамках когнитивно-культурологической парадигмы.

В современной лингвистике научная парадигма – это господствующая на каждом этапе истории лингвистических учений система воззрений на язык, определяющая предмет и принципы лингвистического исследования в соответствии с культурно-историческим и философским контекстом эпохи. Современные фразеологические парадигмы – это доминирующие в наше время системы понимания и интерпретации идиоматизированных сочетаний слов, которые обуславливают предмет и принципы их изучения во взаимосвязях с процессами познания действительности, коммуникативно-прагматическими параметрами общения и явлениями культуры [2, 8-9].

Методологической основой когнитивного подхода к фразеологии служат работы Ф. Джонсон-Лэрда, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, Ч. Филлмора, Ж. Фоконье. Их идеи обогащаются в трудах по русистике В. З. Демьянкова, В. Б. Касевича, Е. С. Кубряковой, Р. М. Фрумкиной. При этом следует признать, что их работы представляют собой моделирование лексико-семантической подсистемы языка и не учитывают специфики идиоматических образований, в том числе и паремиологических [2, 44]. Разработка методики лингво-когнитивного анализа на фоне сопоставительного анализа когнитивно-прагматических свойств пословиц близкородственных языков требует не только уточнения базовых понятий когнитивной лингвистики с целью их применения к паремиологическому фонду, но и обоснования новых когнитивно-прагматических категорий. Это открывает путь к лингвокогнитивному моделированию паремиологических единиц, являющихся наряду с фраземами, основным средством репрезентации косвенно-производной языковой картины мира. В русле такого исследования приобретают новое осмысление метафорические механизмы конституирования паремий, потому что в традиционной паремиологии, обращая внимание на метафоричность пословицы, не раскрывается специфика пословичной метафоры, которая может быть вскрыта с помощью таких категорий, как «фреймовая модель пословицы», «провербиальный код», «паремиологический прототип», «когнитема» и др. [2, 45].

Введение понятия когнитемы обусловлено не стремлением пополнить и без того длинный ряд «эмических единиц», а соображениями удобства и рациональности описания, так как, реконструируя

пословичную картину мира и анализируя проявляющейся в ней пословичный менталитет, целесообразно опираться на единую когнитивную единицу, а не использовать такие разнообразные традиционные понятия, как инвариантное значение, компонент значения, ассоциативная связь или пресуппозиция. Когнитема соответствует единицам традиционной семантики – значению или части значения, внутренней форме, подуровню сценария, ассоциативным связям, инвариантному значению. При рассмотрении этих традиционных единиц с позиций когнитивной лингвистики как носителей некоторого знания происходит их «перекодирование» в когнитемы. Когнитема – единица плана содержания, которая не равна семантике всей языковой единицы, по объему она меньше и вычленяется на различных семантических (когнитивных) уровнях [12, 99]. Например, в пословице «*Honey catches more flies than vinegar*», повествующей о притягательности доброты, концепт когнитивного уровня внутренней формы «honey» и концепт когнитивного уровня значения «kindness» связаны ассоциативной связью, выраженной отношением подобия «is like». Когнитема имеет вид «kindness is like honey». В большинстве случаев функциональная значимость смыслового отрезка для реконструкции пословичной картины мира определяется повторяемостью, а особенно частотностью элемента значений в когнитивных структурах пословиц. Например, когнитема «money is dangerous» выделяется в целом ряде пословиц: *Money is the root of all evil; Money is the sinew of the war; A rich man's money hangs him oftentimes; Money makes friends enemies; Too much money makes one mad* [12, 100].

Введение понятий *когнитемы* и *провербиального кода*, синергетически объединяющих в себе лингвокреативные смыслы когнитивной и культурологической природы, позволяет описать специфику пословичной метафоры, которая обуславливается особенностями когнитивной структуры паремии. Такой подход позволяет увидеть этнокультурную специфику паремий даже в тех случаях, когда пословично-поговорочные речения близкородственных языков кажутся идентичными. При тождественности их когнитивной структуры открываются их скрытые лингвокультурологические особенности и, наоборот, культурологическая идентичность может порождаться разными когнитивными процессами [2, 45].

Особенно актуальны данные исследования для стран Европы, которые находятся в процессе интеграции в Новую Европу, предполагающего «создание нового Европейского Сообщества с установлением европейского гражданства и всеми вытекающими последствиями» [13, 28]. По словам Н. Ю. Фанян, самым напряженным звеном в этом процессе оказывается актуализация культурного принципа. В «Еврократии» смешиваются различные культуры, традиции и языки. В процессе освоения Новой Европы возникает необходимость умелого сочетания особенностей языковой картины мира, удачного комбинирования образа жизни, языков, административных и политических понятий, иногда с трудом поддающихся примирению [13, 29]. Большинство проблем, возникающих в процессе межкультурной коммуникации, связано с различием языковых картин мира у жителей стран Европейского Сообщества.

Диалог культур в условиях европейской интеграции приобретает особую значимость, так как требует осмысления проблема универсального и уникального в культуре. Скрытое желание каждого народа, войдя в общеевропейское культурное пространство, сохранить глубинные связи с архетипом материнской культуры. Сохранение неповторимости этнических культур важно для этнической идентификации ввиду того, что неповторимость есть результат особой, свойственной лишь данной культуре системной организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются в разных культурах [2, 147]. Эффективность подхода когнитивно-семиологической теории лингвокультурологии заключается том, что, по словам А. Н. Леонтьева, «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [цит. по 2, 147]. Именно благодаря внутренней форме языка совершается акт превращения предметных значений первичных денотатов в значения идиом. Культурно-языковая специфика идиом обуславливается тем, что семиотизация жизни на уровне идиоматики осуществляется, как правило, двумя способами кодирования социально ценностно-смысловой информации – семантически и семиотически. Когнитивные структуры (концепты и фреймы), лежащие в основе большинства фразем, имеют интернациональную природу, что выражается одинаковым набором минимальных смысловых элементов – сем. Однако в каждом из языков они подвергаются неповторимой комбинации. Именно индивидуальность семных комбинаций создает этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков [2, 151].

Для сопоставительного анализа идиоматики с точки зрения лингвокультурологии весьма существенным является семиотический диапазон интерпретации семантики идиом, основывающейся на множестве произвольных ассоциативных связей, отражающих своеобразие образа мира в этнокультурном сознании [2, 155].

В когнитологии мышление рассматривается как механизм и процесс обработки знаний, их представления в нашем сознании. Когнитивные механизмы формирования фразеологического значения имеют свою речемыслительную специфику, отличающую их от процессов смыслообразования, осуществляемых при помощи знаков номинации. В ее основе лежит косвенно-производная познавательная деятельность человека, представляющая собой как бы второй уровень лингвокреативного абстрагирования от предметно-логической картины мира.

На начальном (концептуальном) этапе познания происходит первичное освоение окружающего мира, когда человек осуществляет первичную категоризацию. В результате формируются общие понятия-концепты. Осмысление взаимоотношения между ними порождает концептосферу – системные знания об окружающем мире, или – концептуальную картину мира. Ее вербализация связана с формированием семантики прямономинативных знаков. На втором (лингвокогнитивном) этапе познания происходит лингвокреативное преобразование концептуальной картины мира по линии интерпретирующего осмысления первоначально сложившейся системы концептов в структурах языкового сознания. Важным условием фразеологической интерпретации результатов предметно-логического познания также является ее смыслопорождающий характер. Анализируя, сопоставляя и объединяя разные вербализованные концепты, в процессе фразеологизации формируются новые концепты оноματοпоэтического характера. Такие концепты требуют косвенно-производной, символической вербализации, основным средством которой выступает идиома [2, 26]. Так, ситуация предательства Иудой Христа воспринимается как некий «эталон» предательства вообще. Дифференциальные признаки данной ситуации – подлость, донос, «награда» за предательство – становятся элементами этнического сознания, а их атрибуты – символами типа *Juda's kiss – поцелуй Иуды, thirty pieces of silver – тридцать серебряников*. Само имя *Juda – Иуда* превратилось в прецедентный феномен и стало известным символом. Исследование взаимоотношения лингвистических и экстралингвистических смыслов в семантике ФЕ – важнейшая задача антропоцентрической фразеологии.

Национально-культурное своеобразие идиоматики того или иного языка объясняется (1) особенностями лингвокреативного мышления, (2) этноязыковой спецификой интерпретации познаваемого мира и (3) особенностями вторичной концептуализации и категоризации отраженных в нашем сознании представлений о ценностно-смысловом статусе жизненно значимых объектов [2, 162]. Национальная специфика фразем этнически обусловлена уже самой принадлежностью к определенному этносу. Как показывает практика, несмотря на универсальный характер человеческого мышления, освоение окружающей реальности производится специфическим, присущим для данной национально-культурной общности способом, что не может не отразиться на фраземике того или иного языка. Универсальное и культурно специфичное находит отражение в языке как системе, которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира, которая несет в себе изображение мира при помощи языковых средств [2, 177].

Выводы и перспективы. Таким образом, изучение когнитивно-прагматического дискурса порождения и функционирования проverbs образований, отражающих менталитет народов с разными национально-культурными традициями, позволяет выявить особенности их дискурсивной природы, связанной со спецификой восприятия, познания и интерпретации действительности, характером ее отображения и членения мира в той или иной языковой картине мира. Перспективным представляется сравнительно-сопоставительное изучение фразеологии разных языков в русле современных фразеологических парадигм, в частности когнитивно-культурологической, потому что собственная культурная идентичность гораздо лучше проявляется, а затем и осознается через соприкосновение с другой культурой, через понятие и воплощение «другого». Именно «через контрасты с изучаемым языком студенты развивают способность к большему проникновению в свой собственный язык и культуру и понимают, что существуют многочисленные способы видения мира» [14, 242]. Эффективность межкультурной коммуникации во многом зависит от адекватного использования и восприятия идиоматических выражений, используемых коммуникантами в непосредственном общении.

Источники и литература:

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл.: А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – 2-е изд. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Элпис, 2008. – 271 с.
3. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучева. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
5. Wierzbicka A. English : Meaning and Culture / A. Wierzbicka. – Oxford, N. Y. : Oxford University Press, 2006. – IX, 351 p.
6. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка / В. М. Богуславский. – М.: Космополис, 1994. – 237 с.
7. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия; РАН, Ин-т языкознания. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-24.
9. Елизарова Г. В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях) / Г. В. Елизарова; науч. ред. Н. В. Баграмова. – СПб.: Бельведер, 2000. – 140 с.
10. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
11. Phraseology and Culture in English / ed. by Paul Skandera. – Berlin, N. Y. : Mouton de Gruyter, 2007. – 512 p.
12. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах : учеб. пособие / Е. В. Иванова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.

13. Фанян Н. Ю. О методологии и процессах интеграции в межкультурной коммуникации / Н. Ю. Фанян // Язык и национальные образы мира : материалы междунар. науч. конф. 20-21 марта 2001 г. / гл. ред. С. К. Беданова; Адыгейский гос. ун-т, Факультет иностранных языков. – Майкоп, 2001. – С. 27-32.
14. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб. : КАРО, 2005. – 352 с.

Брідко Т.В.

УДК 811.112

МЕТОДИЧНІ АСПЕКТИ ЕМПІРИЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ВАРІАТИВНОСТІ ВИМОВИ (З ПОЗИЦІЇ СОЦІОЛІНГВІСТИКИ)

Актуальність роботи зумовлена зростанням кількості сучасних соціофонетичних досліджень, спрямованих на розкриття залежності особливостей реалізації фонем від багатьох екстралінгвістичних чинників. Соціолінгвістика, широко використовуючи методи як соціології, так і лінгвістики, водночас формувала й розвивала свої методи досліджень. Вибір методів і прийомів обробки інформації зумовлений насамперед вимогами завдань, які постають перед соціолінгвістами. Саме тому **метою** статті є проведення аналізу основних методів соціолінгвістичних досліджень.

Більшість сучасних методів соціолінгвістики можна поділити на три основні групи: методи польового дослідження (методи збирання інформації), методи соціолінгвістичного аналізу одержаного матеріалу і методи перевірки вірогідності результатів дослідження.

До *процесу збирання інформації* належать "різні форми опитування (анкетування, інтерв'ю), а також безпосереднє спостереження, експериментування, вивчення документальних джерел" [1, с. 389], тобто добір інформантів та одержання необхідного мовленнєвого матеріалу. М. П. Кочерган акцентує увагу на тому, що під час збирання необхідного для аналізу мовного матеріалу "дослідник повинен прагнути отримати якомога повнішу інформацію про об'єкт дослідження" [1, с. 389]. Для добору інформантів соціолінгвісти застосовують методи з галузі соціологічних досліджень.

У ході *анкетування* лінгвісти використовують різні опитувальні анкети з певною кількістю питань, зумовлених завданнями анкетування – отримати відомості про самих інформантів і про ті чи ті особливості їхньої мови. Анкети з питаннями поділяються на відкриті (містять питання, що вимагають повних відповідей) та закриті (складаються з питань, що передбачають відповіді "так-ні", і питань із множинним вибором) [2, с. 91].

Під час *інтерв'ю* велика увага приділяється попередньому складанню програми і розробці техніки інтерв'ю. Основний недолік інтерв'ю полягає в тому, що цей метод, порівняно з анкетуванням, займає багато часу. Як відзначають Н. Б. Вахтін і Є. В. Головка, одне інтерв'ю займає стільки часу, скільки вимагає анкетування 50–100 інформантів [2, с. 92]. У ході спостереження дослідник просто уважно стежить за особливостями мовної поведінки людей, мовлення яких вивчається, у різних природних або штучно створених ситуаціях спілкування.

В умовах здійснення безпосереднього соціолінгвістичного експерименту особливого значення набувають обставини спілкування з інформантами. Для запису мовлення респондентів мовознавці застосовують різноманітні діалоги, групові бесіди, анонімне спостереження, опитування тощо. Проте "які б інші методи отримання зразків мовлення не використовувалися, надійним способом отримання достатньо достовірного та доброякісного матеріалу про мовлення тієї чи іншої особи було і залишається індивідуальне інтерв'ю із записом" [3, с. 29] на плівку або на цифровий пристрій (диктофон, телефон, відеореєстратор чи комп'ютер). Використовуючи прилад для записування відкрито, дослідник має повідомити інформантам мету своїх записів і в процесі спостережень за їх мовою намагатися зменшити так званий "ефект мікрофона", який так чи так обмежує природну поведінку індивідів. Ефект мікрофона можна повністю прибрати, якщо застосовувати записувальну техніку приховано, коли інформантові не повідомляється про її використання; у цьому разі отримані дані характеризують природну, спонтанну мовну поведінку носіїв мови.

Останнім часом на застосування методів експериментальної лінгвістики, зокрема на проведення експериментально-фонетичних досліджень, значно вплинуло велике різноманіття технічних засобів. У лінгвістиці все частіше "простежується тенденція до проведення фонетичних студій із застосуванням технічних засобів зв'язку, найпоширенішим з яких є, насамперед, телефонний зв'язок. Вивчення сприйнятого повідомлення, що передається технічним каналом зв'язку, розглядається сучасною лінгвістикою як артикуляційний метод дослідження" [4, с. 89].

З метою отримання достовірних даних про вплив ситуативних параметрів на мову інформантів дослідники в ході польового спостереження прагнуть ретельно контролювати мовну ситуацію, стимулюючи або природно-невимушену мову, або свідому орієнтацію респондентів на використання престижного еталону. Крім того, досить часто спостереження за мовою інформантів будуються таким чином, щоб звести до мінімуму або зовсім виключити вплив спостерігача на мовну поведінку респондентів [5, с. 291].

Під час дослідження спонтанного мовлення О. Д. Петренко пропонує дотримуватися таких методологічних умов: інформанти мають бути в умовах природної життєвої ситуації (у межах якої вивчаються особливості спілкування), бути ознайомлені з темами розмов, а співрозмовники респондентів обов'язково повинні бути членами того ж самого соціального колективу [3, с. 23].